

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК КОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Халилова Алие,

преподаватель Узбекского государственного университета мировых языков

Ключевые слова: категория интертекстуальности, прецедентный текст, принимающий текст, интертекст, ментальные пространства, аллюзивная антономазия, концептуальная интеграция.

В настоящее время проблема теории интертекстуальности широко дискутируется среди лингвистов. Основа этой проблемы заключается в неопределенности самого понятия интертекстуальности и нечеткой дескрипции ее компонентов. Более того, необходимо отметить, что существует несколько подходов к ее изучению. В изучении понятия интертекстуальности М.М.Бахтина можно считать основоположником.

Выдвинув предположение, что тексты «диалогичны» и понимание текста возможно лишь при его соотношении с другими текстами, Бахтин внес существенный вклад в дальнейшее изучение взаимодействия текстов. Тем не менее, сам термин «интертекстуальность» был впервые введен в 1967 году Юлией Кристевой, и с ее точки зрения, интертекстуальность представляет собой существование одного текста в другом, иными словами его взаимодействие, связь и отношение с другими текстами в той или иной культуре.

На современном этапе развития лингвистики проблеме изучения теории интертекстуальности посвящено немало исследований. Арнольд И.В. под интертекстуальностью понимает: «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» (Арнольд, 2014). Чернявская В.Е. определяет интертекстуальность следующим образом: «наличие одного или нескольких предтекстов в другом и как отношение возникающее между текстом и его предтекстом (-ами)» (Чернявская 2009). Пьеге-Гро Н. определяет функции

интертекста следующим образом: «одна из важнейших функций интертекста заключается в том, что он действует наподобие передаточного механизма между накопленными книжными запасами и историей» (Пьеге-Гро, 2008). Фатеева Н.А. в свою очередь, описывает интертекстуальность как «способ генезиса собственного текста и постулирование собственно авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций идентификации и маскировки с текстами других авторов» (Фатеева, 1998). Таким образом, можно сделать следующие выводы, что интертекстуальность представляет собой межтекстуальную связь, а также взаимодействие культурных и нравственных ценностей которые они в себе несут.

Различные описания этого феномена свидетельствуют о разных подходах в изучении интертекстуальности: это так называемые широкий и узкий подходы. С точки зрения литературоведческого (широкого) подходов взаимодействие текстов может происходить на невербальном уровне, т.е. на уровне содержания текстов и каждый текст может быть представлен как интертекст. В лингвистике, в свою очередь, взаимодействие текстов возможно лишь на вербальном уровне, а именно благодаря «языковым средствам» выражения категории интертекстуальности т.е. языковым маркерам. В данной статье мы будем придерживаться лингвистического подхода.

Динамика изучения теории интертекстуальности в лингвистике позволяет рассматривать текст как

вербальный сигнал с очевидными языковыми ссылками на предшествующие тексты. Безусловно, все сигналы, а именно языковые маркеры в тексте используются автором намеренно, для активации ассоциативных включений в новом значении и его рассмотрение в новом свете. Но, прежде чем мы приступим к обсуждению природы функций языковых маркеров, рассмотрим механизм взаимодействия текстов в этой категории.

Основными языковыми константами категории интертекстуальности являются прецедентный текст, принимающий текст и интертекст. Впервые термин «прецедентный текст» ввел Ю.Н. Караулов, определяя его как: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». В прецедентных текстах он выделяет такие особенности как *«хрестоматийность, общеизвестность и реинтерпретируемость»* (Караулов, 1987). Чернявская В.Е. в свою очередь определяет прецедентные тексты следующим образом: «законченные и самодостаточные продукты речемыслительной деятельности» (Чернявская, 2009). Таким образом, каждый из прецедентных текстов может быть интерпретирован, т.е. способен дополнить уже существующее значение. Сюда можно отнести прецедентное имя или прецедентное высказывание. Определяют следующие типы прецедентных текстов: исторические, библейские, литературные, мифологические, т.е. источники оригинальных смысловых кодов.

Таким образом, прецедентный текст образует собой огромный пласт культурных, исторических и литературных феноменов. Доказательством этому могут служить многочисленные библейские

словари, словари афоризмов, также сюда можно отнести шексперизмы, образующие отдельную группу, так как они играют важную роль в английской языковой культуре. Составляющие этих словарей представляют собой практически автономные единицы, с определенными общеизвестными коннотациями, неоднократно используемые авторами в художественных текстах для активации ассоциативных включений в принимающем тексте.

Принимающий текст – это пространство, в котором интертекстуальные связи устанавливаются с текстом источником, в результате чего происходит процесс заимствования значения из источника. Также следует отметить, что принимающий текст содержит в себе интертекст.

Однако, дефиниция понятия интертекст является предметом для дискуссий среди лингвистов и по сей день. До сих пор нет точного описания этого явления, и как результат, составляющие интертекста также неопределенны. Так например, Р. Барт описывает интертекст: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» (Барт, 1989). Белозерова Н.Н. считает что: «Термин интертекст используется для обозначения вечно развивающейся совокупности текстов, существующей либо на идеальном, либо на виртуальном, либо на библиотечном уровнях, которая конструируется в «согрома». При этом термин «согрома» используется во множественном числе, поскольку тексты могут группироваться по времени их создания, по способу передачи, по жанрам, по области применения и по языкам (Белозерова, 2012). Безусловно, эти описания интертекста слишком обширны что значительно затрудняет процесс

изучения механизма интертекстуальности. Мы, в свою очередь, под интертекстом понимаем языковые средства-сигналы, т.е. интертекст как материал активирующий интертекстуальные ассоциативные включения в принимающем тексте.

Взаимодействие текстов в категории интертекстуальности может быть представлено следующим образом: **прецедентный текст** (источник-оригинал) → **принимающий текст** (непосредственно анализируемый текст) → **интертекст** (ссылки, выраженные различными языковыми средствами). В принимающем тексте автор использует языковые средства-сноски, где они приобретают новые коннотации.

Как показал лингвистический анализ, основными вербальными сигналами, а именно, языковыми средствами категории интертекстуальности являются цитация, аллюзия, эпиграф, символы, перифраз, реминисценции, также сюда можно отнести плагиат. Основным сигналом интертекстуальности, на наш взгляд, является аллюзия. Аллюзия – это художественный прием, непосредственно указывающий на источник-оригинал, позволяющий представить новые коннотации уже известного события.

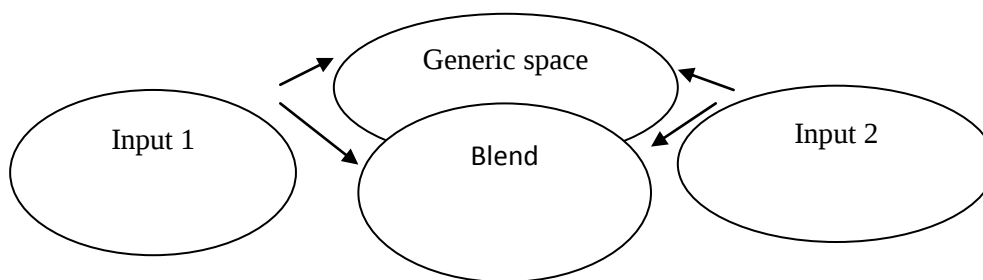
Также следует отметить, что структурно-семантически аллюзия может быть представлена простым словом, словосочетанием, фразеологической единицей и даже цельным предложением. Более того, аллюзия может быть представлена различными стилистическими и художественными приемами такими как: аллюзивный заголовок, аллюзивные фразеологические единицы, аллюзивная метафора,

аллюзивная антономазия, поэтические детали, эпитет, перифраз. Безусловно, все они отличаются друг от друга определенными признаками в той или иной степени. Цитаты всегда указывают на источник, также они всегда заключены в кавычки, а главное источник всегда сохраняет свою первичную форму, т.е. всегда учитывается дословность. Далее следует отметить антономазия – аллюзия, представленная именем известного литературного персонажа или известной исторической фигуры. Принцип перифраза заключается в перефразировании текстов источников в новом тексте. Символ также может быть рассмотрен как один из важнейших маркеров интертекстуальности. Тут нужно отметить, что символ содержит в себе два значения: денотативное и абстрактное. В результате взаимодействия ассоциаций и прямого значения возникает новое пространство.

Характерной особенностью языковых маркеров категории интертекстуальности является лежащий в их основе когнитивный принцип концептуальной интеграции. Ж. Фоконье и М. Тернер – основатели теории концептуальной интеграции. Особенность этого принципа заключается в последовательном выстраивании и взаимодействии ментальных пространств. В целом концептуальная интеграция используется для описания образного мышления. Согласно теории концептуальной интеграции, ментальные пространства (input 1, input 2, genericspace, blend) взаимодействуя на основе некоторых общих признаков (genericspace), создают новое концептуальное пространство (blend).

Процесс концептуальной интеграции можно представить в виде следующей схемы.

Все перечисленные компоненты, а именно input 1, input 2, genericspace, blend представляют собой ментальные пространства. Однако между исходными пространствами (input 1 и input 2) возникают межпространственные связи, объединяющие исходные коды обоих пространств. Единство этих элементов и составляют основу бленда. Следует также отметить, что оба исходных ментальных пространства являются абсолютно самостоятельными сферами. Общее пространство (genericspace) это поле, отражающее и объединяющее схожие признаки исходных ментальных пространств, которые позднее активируются в бленде (blend), образуя новые концептуальные смыслы. Бленд – это ментальное пространство, образованное благодаря взаимодействию исходных пространств.

Как отмечалось выше, концептуальная интеграция может быть четко представлена на примере одного из наиболее часто используемых интертекстуальных включений – стилистического приема антономасии. Этот стилистический прием основывается на использовании имени собственного общеизвестного художественного героя или исторического лица.

Рассмотрим процесс концептуальной интеграции на конкретном примере: *Never met such a Gorgon . . . I don't really know what a Gorgon is like, but I am quite sure that Lady Bracknell is one. In any case, she is a monster, without being a myth, which is rather unfair* (The importance of being earnest, Wilde)

В данном примере автор сравнивает два образа, образ Lady Bracknell из произведения «The importance of being earnest» Оскара Уайльда и образ Gorgon, в греческой мифологии, чудовище с женским лицом и змеями в место волос.

Input 1 – *woman, unbearable, firm, a monster, unfair, aunt, mother.*

Input 2 – a female myth creature; a monster in the form of a woman with snakes for hair who changed anyone who looked at her into stone; vicious female monster from Greek mythology one of three winged monstrous sisters, who had snakes for hair, huge teeth, and brazen claws; monster, any creature so ugly or monstrous as to frighten people; a cruel, wicked, depraved creature as to horrify others.

Generic space – *woman, monster, unbearable, wicked, cruel, vicious, horrifying*

Blend – *a cruel, vicious, unbearable woman, dangerous, unmerciful, wicked, destructive, merciless, powerful, horrible, terrifying, evil, appealing sacrifices, fatal, demanding worshipping, ugly, malevolent, ill-wishing, ill-natured, nasty, malicious, envious, hurtful, unkind, unamiable, stern, brutal, uncharitable, harmful, pitiless, hostile, revengeful, tough, hard-hearted, ruthless, fierce, etc.*

Как представлено в схеме данные исходного пространства 1 (input 1) соотносятся с данными вводного пространства 2 (input 2) в общем пространстве (genericspace). Данные исходных пространств частично совпадают и частично наслаиваются друг на друга. Следовательно, бленд является результатом смешения ментальных

пространств, приобретая новые концептуальные смыслы. Читатель сравнивает и ассоциирует образ Lady Bracknell с образом Горгоны, представляя героиню произведения жестокой, неприятной и отталкивающей женщиной. Следовательно, теория концептуальной интеграции глубоко описывает и объясняет подтекст художественного произведения. Аллюзивная проекция, представленная в бленде, четко и ярко отражает сложное развитие языковых явлений, сложившихся в результате смешения на первый взгляд разных понятий.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) феномен интертекстуальности, представляющий собой межтекстуальные связи, отображающие взаимодействие культурных и нравственных ценностей которые они в себе несут, можно рассматривать как одну из основных категорий художественного текста 2) языковыми константами категории

интертекстуальности являются принимающий текст характеризуемый хрестоматийностью, общеизвестностью и реинтерпретируемостью, принимающий текст в котором устанавливаются интертекстуальные связи с текстом источником, и интертекст, как материал активирующий интертекстуальные ассоциативные включения в принимающем тексте 3) основными вербальными сигналами интертекстуальности являются цитация, аллюзия, аллюзивный эпиграф, аллюзивная антономасия, символы, перифраз, реминисценции, доминирующую роль среди которых играет аллюзия 4) когнитивным основанием категории интертекстуальности является принцип концептуальной интеграции, рассматриваемый как взаимодействие ментальных пространств, способствующих созданию новых концептуальных смыслов, раскрывающих глубинный смысл.

Литература

1. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб: издательство СПб университета, 1999.— 443 с.
2. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. —М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 175 с.
3. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 240с .
4. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия АН. Сер. литературы и языка. - 1998. - Т. 57, № 5. —С. 30
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность – М.: Наука, 1987. —С. 216.
6. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и вст. ст. Г.К. Косикова — М.: Прогресс, «Универс», 1989, -С. 418.
7. Белозерова Н. Н. Модель функционирования интертекста [Электронный ресурс] // Language and Literature: электронный журнал Факультета романо-германской филологии Тюменского государственного университета. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No3/journal.htm> (дата обращения: 01.09.2012).
8. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Intergration Networks // Cognitive Science. 22 (2). 1998. 133-187. Expanded web version, December 15, 2003. - <http://www.wam.umd.edu/~mtum/WWW/ blending.html>
9. Fauconnier G. Introduction to Conceptual Blending. Retrieved August 19, 2004, from the World Wide Web: <http://cogsci.ucsd.edu/~faucon/ 101 /blending.pdf>

9. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 190p.

Xalilova A. Intertextuality as a cognitive category of the literary text. Intertextuality is defined as one of the most important cognitive categories of the literary text. The article describes the main constants of the category of intertextuality – precedent text, recipient text and intertext. Moreover, the article presents the principle of conceptual integration as cognitive basis of the category of intertextuality.

Халилова А. Интертекстуаллик бадиий матннинг когнитив категорияси сифатида. Мақолада интертекстуаллик категориясининг асосий тушунчалари – прецедент матн, қабул қилувчи матн, интертекст каби тушунчалар очиб берилган ҳамда концептуал интеграция интертекстуаллик категориясининг асоси сифатида талқин этилган.
